Можно предположить, что метафорика вокруг образа крокодила обладает своей ностальгической спецификой именно в советской культуре.

С недавних пор на Пирровых чтениях выступления студентов проходят в рамках специальной секции, которая получила название «Песочница», и именно ей завершилась основная программа этого года. Молодые исследователи посвятили свои доклады разным аспектам зла как блага в социальном и игровом медийном контексте: *Любовь Бузикова* и *Яков Щеглов* (Европейский университет в Санкт-Петербурге) представили рассуждение на тему «*Поколенческие особенности адаптации к неопределенности: отъезд как стратегия vs. отъезд как социальная смерть*», а *Вероника Баранова* и *Анастасия Липидина* (СГУ, Саратов) проанализировали амбивалентность виртуального зла в рамках доклада «*Эсхатология и сотериология чумного города на материале игр "Pathologic" и "Pathologic 2"*».

На итоговой дискуссии прозвучали вопросы и развернутые комментарии, которые иногда превращались в самостоятельные небольшие доклады, существенно расширяющие и дополняющие заявленную тему.

Анна Синицкая

XXII Международная конференция молодых ученых «Векторы»

Секция «Миры советского человека: к перспективистскому советоведению»

(*МВШСЭН, 19—20 апреля 2024 года*)

DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_471

Долгое время существовала тенденция воспринимать советского человека как органический монолит, в духе Homo soveticus. Кажется, будто инерция этого подхода не преодолена до сих пор: велик соблазн, с одной стороны, рассматривать все явления советской жизни в одномерной системе «подавляемая личность — подавляющее государство», с другой — хронологически и культурно гомогенизировать советское время. Один из первых очерков советской повседневности — «Мир советского человека» Петра Вайля и Александра Гениса[1] — не раз упрекали в том, что его авторы перенесли взгляд советской интеллигенции на всю советскую культуру[2].

Тенденция восприятия истории общества в СССР через призму судеб интеллигентов сохраняется и сегодня, несмотря на то что субъективность других групп советских граждан все чаще оказывается в фокусе рассмотрения исследователей. Организаторы секции «Миры советского человека: к перспективистскому советоведению», проходившей 19—20 апреля в рамках XXII Международной конференции молодых ученых «Векторы», предложили взглянуть на советскую культуру как на

1 *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2018.

2 См., например: *Yurchak A.* Everything Was Forever Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton: Princeton University Press, 2006.

сложный конгломерат перспектив: не мир, но *миры* советского человека, включая, но не ограничиваясь исключительно типичным, наиболее распространенным или нормативным — к примеру, миром советского архимандрита и замполита, пионера и пенсионера, чекиста и диссидента, отойдя от стандартной дихотомии между «официальным», «идеологическим» и «неофициальным», «неподцензурным».

Первый день работы секции прошел в лектории Музея современного искусства «Гараж». Выступая со вступительным словом, один из организаторов *Вадим Данилов* (РГГУ, Москва) приветствовал гостей и докладчиков, акцентировав их внимание на уходе от «больших нарративов» советологии, который был обозначен программной целью секции.

Заседание 19 апреля открыл *Александр Дуднев* (НИУ ВШЭ / МВШСЭН, Москва) с докладом «*Коллективный архитектор. Жилищно-строительная кооперация как заказчик архитектуры 1920—1930-х годов в СССР*». Выступление поставило под вопрос расхожее представление о том, что советская жилищная политика полностью находилась в руках власти. Докладчик предпринял попытку создать более сложную рамку изучения раннесоветской архитектуры, чем формально-стилистический, дискурсивный или акторный подход, в некотором смысле интегрировав черты каждого из них и задав бóльшую глубину описания данного явления. Жилищно-строительные кооперативы изучаемого периода Дуднев разделил на пять типов: кооперативы энтузиастов, нэповские кооперативы, объединенные (рабочие) кооперативы, привилегированные кооперативы и кооперативы сообщества. Каждый тип объединений обладал разной степенью приверженности кооперативным принципам и способностью к привлечению ресурсов, вовлеченности пайщиков в общую деятельность. Дуднев представил новую перспективу влияния сообщества на архитектуру в довоенном СССР, проследил связь между типом кооператива и архитектурными особенностями возводимых по его заказу зданий и показал, что степень влияния пайщиков на архитектуру тем не менее варьировалась от типа к типу.

Тему истории советской архитектуры продолжил *Константин Антипин* (МГУ) с докладом «*Парамодернизм: стилевые маргиналии внутри модернистской парадигмы советской архитектуры 1960—1980-х годов*». Докладчик остановился на неоднородности советской послевоенной архитектуры, где параллельно с основной линией, вполне укладывающейся в интернациональный канон Современного движения (Modern Movement), существовал пласт, резко противоположный модернистской лапидарности — усложненный, декоративный и тяготеющий к формам и материалам, использование которых устоялось исторически. Этот стиль, нашедший свое отражение во внешнем облике правительственных дач, развлекательной архитектуре детских городков и летних кафе, Антипин предлагает называть «парамодернизмом», имея в виду все коннотации греческой приставки παρά— включая «вопреки», «несмотря на», «наряду», «мимо» и «вне».

Ольга Ульянова (Европейский университет в Санкт-Петербурге) представила доклад «*Ленинградский пластмассовый дом: архитектурный курьез или символ советских 1960-х?*». О пластмассовом доме в интернете часто пишут как о курьезе. В докладе же он предстал как пример пусть и экспериментальный, но тем не менее включенный как в современные ему мировые архитектурно-художественные тенденции, так и в советский процесс освоения зарубежного опыта и поиска решений для индустриального строительства. Наиболее вероятным образцом, повлиявшим на облик ленинградского пластмассового дома, по мнению докладчицы, следует считать «Дом будущего» (House of the Future) Марвина Гуди и Ричарда Гамильтона (1957). Докладчица предположила, что такой дом мог быть экспериментальным образцом временного жилища для Крайнего Севера и Юго-Восточной Сибири, на что указывает как его форма, так и яркий желтый цвет, отсылающий к класси-

ческим образцам «научно-исследовательской» архитектуры, например подводным домам Ж.-И. Кусто.

В своем докладе «*Вынужденная "молодость" и запрос на древность: конкуренция темпоральных образов Иванова в путеводителях 1960—1980-х гг.*» *Лев Богданов* (ИвГУ / Музей первого Совета, Иваново) остановился на двух несколько парадоксальных образах, которые конструировались вокруг города Иваново. Этот город, образовавшийся за счет слияния села Иваново и Вознесенского Посада в 1871 году и не являющийся в полном смысле «историческим», тем не менее был включен в маршрут Золотого кольца, что вызывало необходимость конструирования определенного образа в текстах, предназначенных для туристов. В путеводителях подчеркивалась молодость Иваново и его революционная история, в то время как «состаривание» города отмечается в краеведческих текстах, ориентированных на жителей Иванова.

Анна Агапова (НИУ ВШЭ, Москва) выступила с докладом, основанным на материалах собственного семейного архива, «*Ассамбляж путешествия советского инженера в позднем СССР (по материалам домашнего архива В. А. Алексеенко)*». Фотографии и дневники советского туриста-«дикаря» докладчица анализировала в рамках объектно-ориентированных онтологий (Дж. Урри, Д. Харауэй). Мотоцикл в докладе предстал как организм-симбионт, полноправный участник туристической группы, «честный служака», достойный быть запечатленным на памятном «двойном портрете» со своим водителем.

Виктория Вохмина (ПГИК, Пермь), выступая с докладом «*Дискурс семейности в позднесоветский период как отголосок риторики периода "оттепели"*», напомнила участникам и гостям секции о таком сюжете 1980-х, как формирование советского семьянина, выразившемся, в частности, во введении в школьную программу предмета «Этика и психология семейной жизни». Докладчица остановилась на концептах женственности («легкомыслие», «девичья честь») и мужественности («ответственность», «бережное отношение»), идеала семьи, формируемых в рамках учебной дисциплины.

Интересный взгляд на агентность советского человека предложил *Никита Ерохов* (НИУ ВШЭ, Москва). Его доклад «*Горизонтальная мобилизация простого советского человека в позднем СССР*» поставил под вопрос дефицит агентности, зачастую приписываемый советским гражданам. На материале одного биографического интервью Ерохов представил альтернативную теоретическую модель, описывающую те случаи, когда информант докладчика находился в неиерархичной, но при этом дисциплинарной ситуации — например, участвовал в бунте против начальства в пионерлагере или на спор брал больше мешков зерна, чем нужно. Это явление Ерохов предлагает называть «горизонтальной мобилизацией».

Роман Петров (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) выступил с докладом «*Исследовательский "Расёмон": жанровая мультифокальность интервью*» и продолжил тему, с одной стороны, устной истории, с другой — дистрибуции власти в советском обществе. Журнал «Студенческий меридиан», работу которого изучал Петров, был описан как институт, который первоочередной своей задачей ставил «помощь студентам», причем не только и не столько непосредственно публикациями: «конфликтные письма» отправлялись в Министерство образования, где «договоренность была такая — всегда студента оправдать». Этот тип отношений докладчик концептуализировал в рамках фукианской концепции «пастырской власти», нащупав ее отправление не только в практике работы журнала, но и во взаимоотношениях внутри редакции. В качестве побочного сюжета Петров поднял тему взаимодействия исследователя и информанта, в которой первый воспринимается последним как недостаточно компетентный, «занимающийся ерундой» и обра-

щающий внимание на несущественные темы — этот сюжет также с интересом обсуждался в дискуссии после выступления.

Семен Дымшиц (Европейский университет в Санкт-Петербурге) продолжил тему работы советских творческих коллективов докладом «*Механизмы внутристудийной цензуры научного кинематографа в период "малокартинья"; на материале сценарно-редакторского отдела "Леннаучфильма"*». Выступающий указал на то, что, в отличие от художественного кинематографа в период «малокартинья» рубежа 1940—1950-х, документальное кино было свободно от бюрократического аппарата худсовета Министерства кинематографии. В этой отрасли сохранялся режиссерский метод кинопроизводства. Редактура была направлена в основном на дикторский текст, а формальные визуальные решения практически не подвергались правке.

В докладе *Александры Филиппенковой* (НИУ ВШЭ, Москва) «*Постсоветская рецепция советского кинематографа: случай эго-документов из фонда РГАЛИ*» советское кино было рассмотрено с точки зрения reception studies. Докладчица изучила письма, присланные Кларе Лучко зрителями телепрограммы «Фильмы нашей памяти» (ОТР, 1994—1996), и рассмотрела рецепцию ими советских фильмов как одну из нитей «запутанной памяти» о Советском Союзе. Такое активное восприятие, по словам докладчицы, является одной из практик памяти и способом производства нарративов об СССР. Результатом рецепции фильмов становится, таким образом, выражение личной и политической позиции, ностальгия и обретение права на свое прошлое.

Анна Головина (РАНХиГС, Москва) выступила с докладом «*Парадокс приобретенной свободы: советские практики в политической активности в 1991—1999 гг. (на примере гендерных диссидентов)*». Действуя в рамках посттранзитарных исследований, отвергающих рассмотрение постсоветского исторического процесса как пути к неминуемой демократизации, докладчица представила дискурсивные практики гендерных диссидентов 1990-х как сложный конгломерат, включающий в себя как советские («наивные письма» во власть, нормализация стигмы, воспроизведение фрагментов гегемонного дискурса), так и постсоветские практики (митинги и демонстрации, стигматизация маргинального поведения членов сообщества, обращение к международному сообществу, стремление к конструированию демократического государства).

Доклад *Варвары Стрельниковой* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) «*Утопические миры ранней постсоветской литературы: проект ферганской поэтической школы и "левантийская литература"*» был посвящен двум «провинциальным» литературным сообществам постсоветской русскоязычной литературы в Израиле и Узбекистане. Оба сообщества по-особому находили свое место в системе имперских координат, при этом переживая ощущение своей «провинциальности». Ферганская поэтическая школа воспринимает Фергану как «благословенное пустое место, где совершенно естественно звучит любой поэтический текст»[3], и использует эту «пустоту» как инструмент, позволяющий выстроить новую литературную эстетику с опорой на европейскую модернистскую традицию, в то время как проект «левантийской литературы» сфокусирован на Средиземноморье как на альтернативном литературном пространстве, исторически объединявшем и гипотетически способном объединить Восток и Запад. Несмотря на обращенность из настоящего в прошлое, Стрельникова рассмотрела оба примера как модернистские, основанные на универсальности идеала и эстетическом элитизме.

3 *Абдуллаев Ш.* Поэзия и Фергана // Знамя. 1998. № 1 (https://znamlit.ru/publication.php?id=375 (дата обращения: 03.12.2024)).

Второй день секции прошел в кампусе Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинке). Заседание открыл доклад «*Советский человек: от шаблона к понятию*» *Александра Фокина* (МВШСЭН / Сеченовский университет, Москва). Выступающий начал с указания на проблему, с которой сталкивается история понятий, подходя к материалу XX века: предпринимавшиеся до сих пор попытки создать словарь советской лексики не лишены как недостатков, так и определенной идеологической нагрузки. Далее Фокин представил историографический обзор понятия «советский человек», сразу отмежевавшись от попыток гомогенизации советского. Homo soveticus, подчеркнул Фокин, состоит из множества гетерогенных групп, объединенных общим знаменателем государства, в котором эти группы находились. Понятие «гомо советикус», введенное Александром Зиновьевым[4] и популяризированное Юрием Левадой[5], в выступлении подверглось критике, поскольку в этой идее советский человек воспринимается как существо, которое «не удалось» социалистическому проекту и потому обладает исключительно отрицательными чертами. Далее докладчик остановился на критике бинарных оппозиций «культура — контркультура», «советский — антисоветский», «государство — народ», которые, несмотря на простоту восприятия, скрывают от взгляда исследователей гетерогенность, множественность оттенков и полутонов политической системы СССР. После Фокин произвел герменевтический анализ понятия «советский человек» в текстах 1940—1950-х годов, где оно обозначает не только гражданство, но и определенные моральные характеристики. В заключение докладчик указал на общественные организации и клубы по интересам, существовавшие в СССР, как на перспективное поле, в котором можно изучать активность и горизонтальность советского человека.

Марфа Русанова (СПбГУ) в докладе на тему «*“Этот Левиафан — просто Сквозник-Дмухановский”: к проблеме смены языка эмоций в дневниках революционного времени 1917—1920-х гг.*» представила анализ эго-документов, выявив характерные черты того, как современники революции описывали свои эмоции. Русанова рассказала, что для описания «не оправдавшей ожидания» реальности авторы дневников используют образы периферии дореволюционной демократической публицистики.

Независимая исследовательница *Оксана Бутук* в своем выступлении, озаглавленном «*Два мира раннего СССР в дневнике арктического промышленника Федора Кузнецова: кому строить страну — революционному солдату или образованной интеллигентке*», описала ситуацию конфликта, возникшего между каюром Федором Кузнецовым и исследовательницей Ниной Рябцевой-Демме на зимовке в бухте Тихой. В замкнутом пространстве на территории Арктики, которое, как заметила докладчица, за счет изоляции группы людей на длительное время вне контакта с внешним миром представляет собой своеобразную социальную лабораторию, между образованной дочерью буржуа Демме и революционно настроенным пролетарием Кузнецовым произошло столкновение, но не гендерное или психологическое, а классовое. Конфликт между образованными и необразованными, развернувшийся на станции, велся на поле культуры культурными же средствами: например, Демме и Кузнецов полемизировали друг с другом в стихотворной форме.

Валентина Строганова (СПбГУ) в докладе «*Проблема организации военно-медицинской службы блокадного Ленинграда в эго-документах на материалах*

4 *Зиновьев А.* Гомо советикус. Lausanne: L’Âge d’homme, 1982.

5 *Левада Ю.* Человек советский: [Стенограмма лекции] // Полит.ру (http://polit.ru/article/2004/04/15/levada/ (дата обращения: 03.12.2024)).

эвакогоспиталя № 1012» сосредоточилась на воспоминаниях сотрудников госпиталя, занимавшего во время блокады Ленинграда помещения университета. В докладе были освещены проблемы медицинского характера и бытовые трудности, с которыми сталкивались мемуаристы. Также Строганова указала на значение морального фактора в лечении пациентов госпиталя.

Выступление *Ксении Пименовой* (УрФУ / Музей истории Екатеринбурга, Екатеринбург) под заглавием «*Индивидуальный проект субъективности ведомственного архитектора послевоенной поры*» касалось неочевидных для истории советской архитектуры аспектов индивидуальности архитектора и представило собой попытку посмотреть на работу Сергея Орлова сквозь призму его личного архива. Дополнительную актуальность докладу придавало то обстоятельство, что работа советских ведомственных архитекторов, к которым относился Орлов, оставалась вне рамок рассмотрения современной им публицистики. Крайне любопытны приведенные докладчицей факты о положении архитектора среди советской элиты — так, Орлов повторил мебель, спроектированную по заказу заводоуправления, для своей собственной квартиры, а военнопленный венгр, работавший над скульптурными портретами маршалов Советского Союза, изготовил Орлову его собственный бюст. Как показала Пименова, в практике ведомственного архитектора, несмотря на процессы стандартизации и типизации, оставалось немало пространства для индивидуализированных творческих решений. Эти решения архитектор обосновывал, с одной стороны, через личную инициативу и ответственность, с другой — через стремление продемонстрировать высокий социальный и профессиональный статус.

Мария Щепетнева (Европейский университет в Санкт-Петербурге) выступила с докладом «*Каталог обретений и утрат: частные пространства в автобиографических нарративах советско-российских пожилых людей*». Источником для исследования послужили письменные автобиографии с сервисов интернет-самиздата «Ridero» и «Литрес: Самиздат». Мемуаристы, по словам докладчицы, совмещают роли автобиографов и краеведов, и насыщенные описания пространств в этих текстах становятся, по выражению Щепетневой, «попыткой ремонта» в отсутствии сведений о прошлых поколениях — краеведческая работа позволяет авторам гипотетически реконструировать, как жили их предки. Работая с пространствами, мемуаристы используют принцип кругов, восходя от семьи к району, от района к населенному пункту и т.д. Соседей авторы описывают через запахи и звуки, производя множественные практики и сценарии отношений, устанавливающихся между ними. Пространственная компонента, по словам докладчицы, позволяет углубить понимание биографического «self», подробнее изучить проявления субъективности самих мемуаристов.

Доклад *Степана Попова* (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург), озаглавленный «*Позднесоветский “дневник для заметок”: повседневный опыт, идеологический дискурс, “монструозное” письмо*» был посвящен описанию дневника советского персонального пенсионера Владимира Щастного как «монструозного» письма[6]. Докладчик указал, что агентность автора в тексте дневника снижена («с помощью меня сегодня сделали прогулку»). Эту особенность Попов связал с практиками рабкоров 1930-х, к которым принадлежал в молодости и сам Щастный.

В центре рассмотрения доклада независимой исследовательницы *Татьяны Дашковой* «*Переодевание в вождей и игры в альтернативное прошлое в фильмах*

6 *Попов С.* Монстры и маргиналы письма, а также откуда они берутся — читая дневники Владимира Васильевича Щастного // Своими словами. 2022. № 3. С. 269—281.

перестройки и 90-х» оказались практики использования образов советских вождей. Докладчица подробно остановилась на рецепции этих образов в позднесоветском и постсоветском кинематографе. В выступлении были проанализированы картины «На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди» (1993), «Кооператив “Политбюро”, или Будет долгим прощанье» (1992), «Комедия строгого режима» (1992), «Осечка» (1993), «И черт с нами!» (1991) и некоторые другие. Дашкова указала, что то, как зрители воспринимали образы советских вождей, с одной стороны, тяготеет к гротескности и карнавальности, с другой — через слияние персонажа и образа вождя выражает опасность настроений, симпатизирующих реставрации тоталитарного режима.

Вера Силкина (ГМИИ Республики Татарстан, Казань) представила доклад «*“Раздумье” советского художника о западном искусстве*», в котором была проанализирована картина ученика Бориса Иогансона — Хариса Якупова — «Живые и мертвые» (1967) из собрания Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан. Докладчица рассмотрела работу Якупова с точки зрения биографии художника и привела прообразы «формалистских» произведений искусства, запечатленных на картине, с которыми ее автор предположительно мог познакомиться в ходе поездки в Европу.

Екатерина Порутчик (НИУ ВШЭ, Москва) в своем выступлении «*Производство аттракционов — запущенное дело*» рассказала об особенностях проектирования и производства аттракционов в СССР. По словам министра культуры СССР Екатерины Фурцевой, приведенным докладчицей, к началу 1960-х годов в стране почти не выпускались «крупные механизированные аттракционы, отражающие последние достижения советской науки и техники». Тем не менее по итогам конкурса на создание новых аттракционов, проведенного в 1963 году, первая премия не досталась никому из участников, а комбинат в городе Ейске Краснодарского края, с 1957 года занимавшийся производством аттракционов, практически так и остался монополистом в этой области.

Татьяна Самарина (ИЭА РАН, Москва) в докладе «*Мир советского танца: “русский лирический” против твиста и рок-н-ролла*» говорила о позднесоветской практике конструирования и внедрения «народно-бальных» танцев («пингвин», «адыгейский вальс» и т.д.), которая, однако, не получила массовой рецепции ввиду того, что предлагаемые в качестве альтернативы западным танцам образцы не были основаны на импровизации и требовали профессиональной подготовки танцоров. С другой стороны, внедрение «народно-бальных» танцев способствовало развитию художественной самодеятельности и созданию танцевальной среды.

Доклад *Дарьи Санниковой* (ТГУ, Томск) «*Музыка в среде советского ребенка: особенности и практики прослушивания в период 1960—1980-х гг. (на примере жителей сибирских городов)*» освещал собственную полевую работу исследовательницы в среде сибиряков 1970-х годов рождения. Как отметила Санникова, на выбор круга предпочитаемой музыки чаще всего оказывали влияние старшие братья или сверстники. Также докладчица отметила влияние фактора географического положения на формирование особой музыкальной культуры в Сибири.

Анастасия Самойлова (Европейский университет в Санкт-Петербурге) в докладе «*Ленинградский рок-клуб: взгляд изнутри*» проследила влияние «советской социализации» и устройства общественных организаций в СССР на институциональную форму Ленинградского рок-клуба. Так, к примеру, один из его основателей в интервью докладчице сообщил, что основой для устава клуба стал устав ВЛКСМ. Функционирование заведения не подпольно, а «по-настоящему» информантами докладчицы мыслилось как существование «с бумажкой» — то есть с уставом, заявлениями на вступление, членскими билетами и формальной организационной

структурой. С другой стороны, Ленинградский рок-клуб, по словам Самойловой, оставался самоорганизующимся объединением, а иерархическое устройство способствовало улучшению качества работы его членов, в том числе творческой.

Выступление *Арсения Моисеенко* (Европейский университет в Санкт-Петербурге) «*“Под так называемой крышей ВЦСПС и ВЛКСМ”: что такое видеопиратство в годы перестройки?*» касалось институциональной истории видеосалонов перестроечного периода. Начавшись с попыток легализовать данное поле при участии ВПТО «Видеофильм», Госкино СССР, ВЦСПС, ВЛКСМ и кооперативов, видеофикация довольно быстро привлекла внимание вышестоящих органов. Итогом стал запрет производства и проката кассет для организаций кооперации и учреждение реестра видеосалонов.

Завершил заседание секции доклад *Сергея Ушакина* (Принстонский университет, США) «*“Что должно быть” и “что есть”: как Виктор Шкловский лечил модальную шизофрению соцреализма*». По мнению Ушакина, модальная шизофрения соцреализма[7] — одновременная демонстрация «того, что есть» и «того, что должно быть», расщепление и многообразие точек зрения на один и тот же объект в зависимости от его временно́й местоположности — воспринимается Виктором Шкловским как необходимое условие творческого процесса, базовая предпосылка искусства. Несоцреалистическое искусство, напротив, представляется Шкловскому как «замена рая», где нет ни человека, какой он есть, ни человека, каким он может быть, — «нет движения искусства»[8].

Разноплановость исследовательских оптик и материалов, представленных на секции, демонстрирует, что дискуссия относительно того, кем и чем являлся советский человек, далека от завершения, и развиваться она может как через включение в поле зрения ученых еще не описанных фрагментов советской действительности и опыта, так и через создание новых теоретических рамок, концептуализирующих власть, культурный процесс, институции, технику, текст, субъективность, память и другие явления, свойственные советскому проекту[9].

Иван Сапогов, Вадим Данилов

---

7 *Clark K.* The Soviet Novel: History as Ritual. Indianapolis: Indiana University Press, 2000.

8 *Шкловский В.* «В некотором государстве…» // Шкловский В. За 60 лет: работы о кино / Сост. Е. Левин. М.: Искусство, 1988. С. 239.

9 Пользуясь случаем, хочется еще раз поблагодарить Женю Иванову, Анастасию Митюшину и Александру Паперно за помощь и содействие, без которых не смогла бы случиться коллаборация нашей секции с Музеем современного искусства «Гараж», наших коллег по оргкомитету конференции «Векторы» за сотрудничество и поддержку, докладчиков и гостей, за счет которых интересная дискуссия не прекращалась ни во время работы секции, ни в кулуарах.